

Тема «ПУШКИН И СЛАВЯНОФИЛЫ» В ПУШКИНОВЕДЕНИИ

Ю. Тынянов писал о трудностях в исследовании Пушкина: «Рядом с Пушкиным, не отходя от него ни на шаг, живет и развивается его двойник — его тень — «Пушкин в веках». Литературную динамику Пушкина каждое поколение по-своему проецирует на свою собственную плоскость, «оценивает» и «переоценивает» ее. Пушкин при этом схематизируется, замыкается ореолом оценки, он становится внушительной, но сглаженной «величиной», при этом «величиной», современной оценщикам. Эти неподвижные, проекционные схемы затрудняют работу исследователей»¹.

Одной из таких сложившихся схем, в какой-то мере осложняющей выяснение некоторых вопросов и пушкиноведения, и лермонтоведения, и гоголеведения, является довольно распространенная оценка славянофилов и славянофильства только как реакционной идеологии. Эта слишком категорическая точка зрения на славянофильство неизбежно сказывается и в изучении темы «Пушкин и И. В. Киреевский», «Пушкин и Хомяков». Последние годы этих тем почти не касаются. Правда, в монографиях о Пушкине в связи с анализом «Цыган» у Томашевского приводятся высказывания И. Киреевского, имя Хомякова упоминается в монографии Гуковского при противопоставлении «Бориса Годунова» Пушкина и «Дмитрия самозванца» Хомякова, в книге Городецкого «Драматургия Пушкина» автор ссылается на оценку «Бориса Годунова» И. Киреевским, кстати, рассматривая ее как неудовлетворительную.

Упоминаются Киреевский и Хомяков в связи с Пушкиным и в некоторых статьях, помещенных в «Ученых записках», но, как правило, эти упоминания носят случайный и слишком по-

¹ Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы. Прибой. 1929, стр. 330.

верхностный характер. В статье И. З. Дергачева «Очерк эстетики Надеждина» («Ученые записки» Ульяновского пединститута, 1956 г.) Ивана Киреевского почему-то относят к людям, причастным к «неблаговидному делу защиты подражательности русской литературы». В научных записках Черниговского пединститута (1961 г.) в статье Е. Л. Мешковой «Пушкин и вопрос славянского единения» есть попытка сблизить Пушкина и Хомякова. «Личность Хомякова, страстного пропагандиста дружбы народов, — пишет автор, — представляла для Пушкина большой интерес»². И любопытно, что в этой же статье, вероятно, исходя из логики установившихся оценок, автор утверждает, что вольнолюбивый Пушкин обязательно осудил бы верно подданические стихи Хомякова (имеется в виду «Прощание с Адрианополем», «Орел», «Россия», «Ода на польское восстание»). Здесь есть желание предугадать даже те оценки, которых у Пушкина не было. Особенно интересно предположение, что вольнолюбивый Пушкин осудил бы оду Хомякова «на польское восстание». Письма Пушкина и его стихотворения подтверждают другое. В оценке польских событий 30 года Пушкин занимал более крайние позиции, чем Хомяков. Его стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», изданные в брошюре совместно с Жуковским, вызвали полное горечи письмо Вяземского к Хитрово. Приведу строчки из этого письма, чтобы показать, насколько выводы статьи Мешковой противоречат фактам: «Как эти стихи меня огорчили. Власть, общественный порядок должны иногда выполнять печальные, кровавые обязанности. Но у поэта, слава богу, нет обязанности их воспевать... Не в наше время нужно отправляться искать благородных вдохновений в поэзии штыков и пушек, когда они служат лишь для торжества одной силы, хотя бы и самой законной. Такая поэзия ужасный анахронизм и унижает самое прекрасное дарование»³.

Восприятие Пушкина в очень общем и поэтому недостаточно четком определении «вольнолюбивого поэта» и распространенный взгляд на Хомякова как «реакционера» заставило исследователя обойти то, что противоречит сложившемуся взгляду.

Конечно, Пушкин вольнолюбивый поэт, но покрывать этим определением всю сложность его развития — значит не только упрощать, но и огрублять его.

И Хомяков, и И. Киреевский, будущие вожди славянофильства, в пушкинскую эпоху по многим линиям как-то соприкасались с Пушкиным, и уже поэтому они заслуживают в пушкиноведении внимательного изучения.

Особенно интересны статьи о Пушкине И. Киреевского —

² Наукові записки, Чернігів, 1961, т. 5, вип. I, стр. 88.

³ Русский архив, 1895, стр. 110—112.

тем более, что ими был глубоко удовлетворен сам Пушкин.

Оценка Пушкина в статьях И. Киреевского — последовательная защита общего творческого пути Пушкина к самобытности. И в этой устремленности развития Пушкина к национальному и самобытному для Киреевского особенно ценно этапное произведение Пушкина — трагедия «Борис Годунов». На основе одной только сцены из нее он ждет от трагедии чего-то великого⁴. Среди разногласий мнений современников, не понявших «Бориса Годунова», особенно значительными становятся несколько интересных замечаний Киреевского об этой трагедии в «Обозрении русской словесности за 1831 год». Напомню их:

«...что составляет главный предмет создания Пушкина?»

Очевидно, что и Борис, и Самозванец, и Россия, и Польша, и народ, и царедворцы, и монашеская келья, и государственный совет — все лица и все сцены трагедии развиты только в **в одном отношении**: в отношении к последствиям царубийства. Тень умерщвленного Дмитрия царствует в трагедии от начала до конца, управляет ходом всех событий, служит связью всем лицам и сценам, расставляет в одну перспективу все отдельные группы и различным краскам дает один общий тон, один кровавый оттенок»⁵.

В противовес тем, кто не видел в «Борисе Годунове» единства трагедии, Киреевский указал на главную мысль, связывающую все разрозненные сцены, множество лиц в единое, цельное художественное произведение.

Киреевский не только утверждает единство трагедии, но в какой-то мере объясняет, почему для Пушкина как художника важен исторический факт об убийстве царевича Дмитрия Борисом Годуновым, взятый у Карамзина. Это тоже не безынтересно, так как Пушкина и Полевой и даже Белинский обвиняли в рабском подражании Карамзину, которое, по их мнению, испортило трагедию.

«Трагедия Пушкина, — пишет И. Киреевский, — развивает последствия дела уже совершенного, и преступление Бориса является не как **действие**, но как сила, как мысль, которая обнаруживается мало-помалу то в шепоте царедворца, то в тихих воспоминаниях отшельника, то в одиноких мечтах Григория, то в силе и успехах Самозванца, то в ропоте придворном, то в волнениях народа, то, наконец, в громком ниспровержении несправедливо царствующего дома. Это постепенное возрастание коренной мысли в событиях разнородных, но связан-

⁴ Полное собрание сочинений И. В. Киреевского в двух томах под редакцией М. О. Гершензона. Том II, стр. 13.

⁵ Там же, стр. 45.

ных между собою одним источником, дает ей характер сильно трагический...»⁶.

Из статьи Киреевского ясно, что для Пушкина не столь важна была подлинность исторического факта, сколько возможность художника в связи с этим фактом создать подлинно трагические характеры и подлинно трагическое действие, дать «трагическое воплощение мысли», пронизывающей его оценку истории.

Конечно, И. Киреевский не поднимается до понимания основной проблемы «Бориса Годунова» — проблемы народа, но ведь многое в пушкинском «Борисе Годунове» и сейчас до конца не решено. Трудно, например, согласиться с утвердившимся выводом о пушкинской исторической концепции трагедии, раскрывающей роль народа как творца истории. Этому выводу противоречит безысходный финал пушкинского произведения. Вряд ли можно и ремарку «Народ безмолвствует» прочитать так, как она осмыслена в книге Д. Благого «Творческий путь Пушкина». «Сегодня, — пишет Д. Д. Благой, — народ безмолвствует, а завтра — он заговорит и горе тому, против кого он обратит свой голос, — таков смысл этого единственного в своем роде потрясающего пушкинского финала»⁷.

Пушкинская ремарка не содержит такого оптимистического вывода, и ее нельзя понимать так прямолинейно. И вновь, и вновь вдумываясь в ее необычайную глубину, не следует пренебрегать и замечаниями Киреевского о «Борисе Годунове», так как его вывод об основной трагической мысли, пронизывающей все произведение, в какой-то мере может помочь в поисках художественного значения заключительной ремарки «Народ безмолвствует» во всей ее полноте и емкости⁸.

Интересно, что среди других произведений Пушкина «Борисом Годуновым» интересовался и Хомяков. Историческое произведение большой художественной силы ему особенно дорого, так как история, по его мнению, познаваема поэтически, а не фактологически.

Хомяков присутствовал в доме Веневитинова, где Пушкин читал «Бориса Годунова», и для него, как и для Погодина, пушкинское произведение было художественным откровением. Несомненно под воздействием «Бориса Годунова» Хомяков приходит и к работе над своим «Димитрием самозванцем». Он воспользовался планом Пушкина, о котором упоминает Погодин в своих воспоминаниях, и свое произведение строит как продолжение пушкинской трагедии. Образ Димитрия он тоже

⁶ Полное собрание сочинений И. Киреевского в двух томах. Том II, стр. 46.

⁷ Д. Благой. Творческий путь Пушкина. АН СССР, 1950, стр. 472.

⁸ В пушкиноведении не решен окончательно вопрос о принадлежности ремарки «Народ безмолвствует» Пушкину. Но эта ремарка не нарушает, а углубляет художественную и идейную цельность «Бориса Годунова».

хочет решить по-пушкински, пытаюсь создать сложный характер, и его трагедию обосновать словами пушкинского Самозванца «Я Литву позвал на Русь, я в красную Москву кажу врагу заветную дорогу».

Но Хомяков далеко не имел той силы художественного дарования, которая дала бы ему возможность продолжить дело гения. И хотя его «Димитрий Самозванец» поднимался над уровнем всех других произведений о Самозванце, после «литературного подвига» Пушкина он не мог восприниматься как новое достижение в истории русской драматургии. А отдельные случаи прямой цитации из Пушкина еще больше подчеркивали художественные слабости трагедии «Димитрий Самозванец».

К «Борису Годунову» Хомяков обращается и в 1846 году в своей статье «Мнение иностранцев о русских»⁹. Он полемизирует с оценкой «Бориса Годунова», данной Белинским в его статьях о Пушкине. В этой полемике Хомяков был неправ, но не только неправ. Нельзя согласиться с его исторической концепцией, объясняющей трагедию Бориса Годунова отсутствием «внутренней» и «истинной» законности его власти. Но Хомяков справедливо заметил художественные промахи Белинского. Он считает «смешным название мелодраматического героя, данное пушкинскому Годунову, в котором очевидно преобладает эпическое начало». Хомяков отстаивает художественную силу пушкинского образа Бориса Годунова, может быть до конца не понятого Белинским.

Хомяков не оставил специальных статей о Пушкине, но к Пушкину и после его гибели он обращался не раз. Для него Пушкин — писатель, деятельность которого «раскрылась во всей художественной красоте». И теперь, когда во времени определилось историческое значение Пушкина, Хомяков в связи с Пушкиным хочет понять и объяснить и многие литературные явления, и свои взгляды. Он рассматривает весь путь развития России после петровских реформ как борьбу между жизнью и иноземной образованностью. В связи с этим и историю литературы он представляет в борьбе двух противоположных стремлений: к самобытности, с одной стороны, и подражательности, с другой. Пушкинское творчество для него пример развития гения, угадавшего «сквозь чужеродные напластования» «живые источники мысли и чувства». «Правда, — писал он, — что многие даже даровитые, даже великие деятели нашей умственной жизни были слабостью молодости, соблазном жизни общественной и особенно так называемого высшего просвещения увлечены в худшее стремление, но все от него отставали, обращаясь к высшему, к более плодотворному началу. Таково было развитие Карамзина и Пушкина»¹⁰.

⁹ Московский литературный и ученый сборник. М., 1846, стр. 145—198.

¹⁰ Московский литературный и ученый сборник. М., 1846, стр. 193—194.

Та же мысль и в статье Хомякова «О возможности русской художественной школы» (Московский сборник 1847 г.). Хомяков утверждает необходимость развития русской стихии, которая должна противостоять знанию, оторванному от родной почвы. Такое знание, полученное извне, сила разъедающая. В этом мертвенном знании Хомяков ищет источник всех болезней современности: сомнения, одиночества, скептицизма. «Это сомнение в самих себе, это тайное чувство своей мертвенности давно уже высказывалось во многих и лучших представителях нашего просвещения. Скорбя о себе и о всем, что их окружало в обществе, они часто оглядывались с утешительною, но неясною надеждою на ту великую Русь, от которой они чувствовали себя оторванными. Я бы мог это показать в последних творениях Пушкина; но ни в ком болезненное сознание своего одиночества и своего бессилия не высказывалось так ясно, как в Лермонтове...»¹¹.

Путь возрождения Хомяков видит только в общении с народом. «Художник не творит собственной своею силою; духовная сила народа творит в художнике».

«...Всякое искусство должно быть и не может не быть народным»¹².

Естественно, что не все из этих высказываний приемлемы для нас. Но в Хомякове подкупает его страстная защита коренных связей литературы с национальной, народной почвой. В своих основных оценках Пушкина он сближается с И. В. Киреевским, «прекрасные и глубокомысленные статьи» которого он всегда ценил за их строгую логику и теплоту чувства.

Но если для Киреевского в 30-е годы главным было понять творчество Пушкина как огромное явление его эпохи и он чутко оценил основную устремленность Пушкина к национальной самобытности, Хомяков в 40-е годы, в период борьбы за славянофильскую идеологию, не столько объясняет Пушкина, сколько его творчеством иллюстрирует свою концепцию. А в этой увлеченности доказать свои положения неизбежно утрачивает широту суждения. Он пытается все многообразие пушкинского творчества, всю сложность и трагичность жизни поэта последних лет объяснить общей духовной болезнью — разрывом между просвещенным обществом и землею. Естественно и художник, считает Хомяков, «поневоле как и вся мысль общества» становится «в чисто-отрицательное отношение к русской жизни». Но гений, одаренный особым внутренним видением, «не терял вполне веры в свое отечество».

«Гений продолжал творить свое гениальное. Но мучительна была эта жизнь; но глубоко было в самих художниках чув-

¹¹ Полное собрание сочинений А. С. Хомякова. Том 1, изд. 2-е. М., 1878, стр. 86.

¹² Там же, стр. 75.

ство, что они трудились над формой и лишены были истинного содержания. Таковы были признания Баратынского, таково убеждение Пушкина, по преимуществу выраженное в его последней, наиболее зрелой эпохе»¹³. Несмотря на видимую ограниченность этих суждений о Пушкине, статьи Хомякова поражают цельностью своей концепции, широтой сопоставлений литературной жизни различных исторических эпох, желанием понять Пушкина в сравнении его творчества с творчеством его современников Баратынского, Лермонтова, Гоголя. Попутно в своих рассуждениях Хомяков бросает интересные мысли о народе, «единственном действователе истории», о народности, которую он не понимает плоско, о «бесконечной области народного творчества». Во всех его суждениях чувствуется страстная мысль ищущего и честного в своих исканиях человека. Можно не со всем соглашаться с Хомяковым, но пройти мимо его высказываний нельзя.

Хомякова и Киреевского в их отношении к Пушкину не следует смешивать с поздним славянофильством. Интересно, что когда ушла в прошлое эпоха мучительных исканий славянофильства и славянофильство стало определившейся догмой, преемники Хомякова не смогли оставить о Пушкине интересных суждений. Можно сослаться на высказывания о Пушкине И. Аксакова, назвавшего себя в письме к Ольге Смирновой (30 сентября 1880 г.) «последним из могикиан славянофильства». Иван Аксаков в 70-е и 80-е годы не углубляет, а только повторяет мысль Хомякова. «Какая богатырская сила таланта нужна была, — пишет он, — для того чтобы, подобно подземному ключу, поднять, своротить все эти плотные наслоения лжи и пробиться наружу таким величавым потоком русской поэзии»¹⁴.

Повторяется та же; теперь ставшая назойливой, мысль о пагубе иноземной культуры.

В речи И. Аксакова, прочитанной на заседании общества любителей российской словесности от 7 июня 1870 года, главное не оценка Пушкина как великого национального гения, открывшего пути развития русской литературы и русского самосознания, а стремление творчеством Пушкина защитить ставшую теперь сусальной славянофильскую апологию «русского духа» и «русского характера». Защита этих сложившихся догм у И. Аксакова крайне грубовата. Так, в «дивной простоте» поэзии Пушкина он находит отражение характерных черт русской души, которая чужда фразерству. Объективность пушкинского творчества И. Аксаков объясняет отличительной

¹³ Речь по случаю возобновления публичных заседаний общества, читанная председателем в публичном заседании 26-го марта 1859 г. Сочинения А. С. Хомякова, том первый, изд. второе, М., 1878, стр. 739.

¹⁴ Русский архив, 1880, кн. 2, стр. 472.

способностью русского духа, «воспитанного общинным и хоровым строем жизни, мало благоприятствующим развитию субъективности и индивидуализма»¹⁵. Пушкина И. Аксаков превращает в поэта, который «любил и русскую землю и русское государство, содержал их в своей душе в том тесном любовном союзе, в каком содержит их душа народа...»¹⁶.

Создается какой-то умилительный иконописный образ Пушкина, соответственный «уровню оценщика». Иван Аксаков хотел возобновить свое общественное служение той правде, которой служили его друзья И. Киреевский и Хомяков, но оказал своим друзьям худую услугу. Он измельчил их мысли, исказил Пушкина. Однако эта позиция эпигона славянофильства не должна для нас заслонять того, что сделано И. Киреевским и Хомяковым. Статьи И. Киреевского А. Григорьев в своих воспоминаниях назвал лучшими из того, что создано о Пушкине. Эта оценка может казаться сейчас преувеличенной, но несомненно то, что статьи и высказывания о Пушкине Киреевского и Хомякова имеют историческое значение и без их учета и без внимательного знакомства с ними наше представление об историческом Пушкине, «Пушкине в веках» — будет неполным¹⁷.

¹⁵ Русский архив, 1880, кн. 2, стр. 480.

¹⁶ Русский архив, 1880, кн. 2, стр. 482.

¹⁷ В вышедшем недавно сборнике «Пушкин, итоги и проблемы изучения» (изд. «Наука», М.—Л., 1966) в главе «Прижизненная критика Пушкина», написанной В. Б. Сандомирской, сказано много правильного и интересного и о И. В. Киреевском.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. С. М. КИРОВА

КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПСКОВ

1968